На правах рукописи

Волков Иван Олегович

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ И.С. ТУРГЕНЕВА («ГАМЛЕТ» и «КОРОЛЬ ЛИР»)

10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Жилякова Эмма Михайловна

Официальные оппоненты:

Ребель Галина Михайловна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», кафедра теории, истории литературы и методики преподавания литературы, профессор

Швецова Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», кафедра литературы и русского языка филиала САФУ в г. Северодвинске, доцент

Ведущая организация:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Защита состоится 06 ноября 2019 г. в 13 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/VolkovIO06112019.html

Автореферат разослан « ____ » сентября 2019 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Филь Юлия Вадимовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В известной речи на открытии памятника А.С. Пушкину в Москве (1880) Ф.М. Достоевский одним из пунктов определил гений «солнца русской поэзии» феноменом «всемирной отзывчивости»[1]. Эта характеристика неизбежно вступает в смысловое сопоставление с добролюбовскими словами: «Пушкин откликнулся на все, в чем проявлялась русская жизнь»[2]. Ученик своего учителя («мой идол, мой учитель, мой недосягаемый образец»[3]), Иван Сергеевич Тургенев, чей двухсотлетний юбилей совсем недавно праздновал весь просвещенный мир, с не меньшим правом может быть назван художником всеотзывчивого свойства. Его творчество, справедливо и индивидуально соответствуя определению В.Г. Белинского, заслуживает названия «энциклопедии», в которой запечатлена русская жизнь.

Чрезвычайная творческая восприимчивость Тургенева к грандиозным открытиям и едва наметившимся явлениям мировой художественной словесности, рефлексивная чуткость к «чужому» слову определили красочное многообразие и одновременно индивидуальность и своеобразие его собственного метода. Будучи погруженным в большое литературное пространство и находясь в самом центре живых процессов искусства, Тургенев вбирал в себя опыт прошлого и настоящего, что ярко проявилось в обнаружении его многочисленных и разнохарактерных творческих связей с предшественниками и современниками. Именно в гармоничном синтезе и жесткой полемике формировалась неповторимая эстетика тургеневского творчества.

Одним из важнейших источников такого формирования и благотворного развития стало наследие Уильяма Шекспира. Диалог Тургенева с «величайшим поэтом нового мира»[4] происходил на всем протяжении его жизненного пути. Имя Шекспира русский писатель называл в ряду гениев мировой словесности – Гомера и И.-В. Гете, его произведения он призывал непрестанно изучать и учиться на них постижению закономерностей самой жизни. Для Тургенева английский драматург был неизменным эстетическим ориентиром в актуальных, часто спорных и противоречивых вопросах художественного искусства, необходимой константой современного литературного процесса.

Особенно близка Тургеневу была гуманистическая природа шекспировского творчества, его «всечеловеческая» позиция. А «вечные» художественные типы принца Гамлета, короля Лира, мавра Отелло и др. являли русскому писателю пример масштабного осмысления природы человеческого существования, грандиозного соположения отдельной личности и целого мира.

---

[1] Достоевский Ф. М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 145.

[2] Добролюбов Н. А. Александр Сергеевич Пушкин // Добролюбов Н. А. Собр. соч. : в 9 т. М. ; Л., 1961. С. 296.

[3] Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М., 2002. Т. 13. С. 39.

[4] Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М., 1986. Т. 12. С. 327.

Актуальность настоящего исследования, с одной стороны, определяется положительной динамикой интереса современной филологической науки к жизни и творчеству И.С. Тургенева, к проблемам включенности его художественного опыта в парадигму отечественного и мирового литературного пространства. С другой стороны, она обусловлена тем, что изучение диалога русского писателя с Шекспиром позволяет выявить значимую специфику как в развитии творческого метода и эстетической системы самого Тургенева, так и в масштабных процессах эволюции русской литературы XIX в. (1840-е – 1880-е гг.). Определение сущности взаимодействия двух национальных авторов вносит вклад в общую картину русско-европейских литературных связей.

История вопроса. Постановка вопроса о характере творческого взаимодействия И.С. Тургенева с художественной традицией Шекспира принадлежит современникам писателя, которые уверенно признавали в нем первого знатока английского поэта и драматурга. Так, П.Л. Лавров говорил, что Тургенев знал Шекспира «чуть ли не наизусть»[5]. В подобном же ключе звучат отзывы Генри Джеймса («превосходно знал», «избороздил английскую литературу вдоль и поперек»[6]) и Людвига Пича (знал «точнейшим образом», «проник до последних его глубин»[7]). Вильям Рольстон вписывает чрезвычайное увлечение Шекспиром в тургеневский контекст «искреннего восхищения и преклонения перед многими великими английскими писателями»[8]. Проспер Мериме прямо сравнивал эстетику Тургенева с шекспировской («Он находит возвышенные черты даже в самых низменных натурах. Он часто напоминает мне Шекспира»[9]).

В литературоведении XX в. проблему «Тургенев и Шекспир» поставил Д.С. Гутман[10]. Ученый впервые попытался обобщить и систематизировать тургеневское восприятие Шекспира (на материале его письменных высказываний), а также прокомментировать конкретную интерпретацию шекспировских образов («Гамлет и Дон-Кихот»). Положения статьи Д.С. Гутмана были почти одновременно развиты и продолжены в трудах Л.М. Лотман[11] и Ю.Д. Левина[12].

---

[5] Лавров П. Л. Из статьи «И.С. Тургенев и развитие русского общества» // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 361.

[6] Джеймс Г. Иван Тургенев // Джеймс Г. Женский портрет. М., 1982. С. 512.

[7] Pietsch L. Iwan Turgenjew // Jahrbuch der Deutschen Shakespeare-Gesellschaft. 1885. Bd. XX. S. 306.

[8] Рольстон В. Из «Воспоминаний» // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 307–308.

[9] Мериме П. Иван Тургенев // Мериме П. Собр. соч. : в 6 т. М., 1963. Т. 5. С. 277.

[10] Гутман Д. С. И.С Тургенев о Шекспире // О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве : сб. ст. Уфа, 1964. С. 139–154.

[11] Лотман Л. М. Комментарий <к повести «Степной король Лир»> // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Сочинения : в 15 т. М. ; Л., 1965. Т. 10. С. 482–501.

[12] Левин Ю. Д. Шестидесятые годы // Шекспир и русская культура / под ред. М. П. Алексеева. М. ; Л., 1965. С. 407–543; Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. С. 112–195; Левин Ю. Д. Русский гамлетизм // От романтизма к реализму. Л., 1978. С. 189–236.

В комментарии к академическому изданию повести «Степной король Лир» Л.М. Лотман очертила особенности восприятия Тургеневым шекспировской трагедии. Впервые, на основе изучения автографов, было установлено, что авторская работа над произведением шла в русле прояснения аналогии с «Королем Лиром», а сам главный образ повести получил существенное драматическое соотношение с шекспировским типом.

Ю.Д. Левин обрисовал обширную картину писательского интереса к Шекспиру и обозначил связь творческого метода Тургенева с художественным мастерством английского драматурга. Более подробно исследователь остановился на типах Гамлета и Лира[13]. В анализе, построенном на материале нескольких произведений писателя и включающем также западноевропейский и отечественный контекст культуры, Ю.Д. Левин отдал преимущество социальной обусловленности шекспировских образов при их функционировании в художественном мире Тургенева.

Последующие многочисленные обращения к эстетике Шекспира у Тургенева были в большинстве случаев неразвернутыми, что естественно, поскольку чаще всего они происходили – в качестве дополнения или вспомогательного материала – в общем аналитическом контексте решения проблем жанра, метода, героя, стиля и пр. Таковы, например, работы А.Б. Муратова, П. Ваддингтона, Е.Г. Новиковой, В.М. Марковича и др. Центральными в этом отношении произведениями закономерно становились рассказ «Гамлет Щигровского уезда», повести «Довольно» и «Степной король Лир».

Отдельное внимание было уделено программной статье «Гамлет и Дон-Кихот». Черты двух грандиозных художественных типов в тургеневском понимании интерпретировались, прежде всего, как категории общественно-исторические и политические. Такая тенденция наметилась в трудах Г.А. Бялого, Г.Б. Курляндской, Е.М. Ефимовой, И.А. Винниковой, Ю.Д. Левина и др. Обозначенная Тургеневым антитеза сыграла важную смыслообразующую роль при выявлении идейного содержания его романов, а также анализа их центральных образов, о чем явно свидетельствуют книги и статьи Л.А. Герасименко, В.М. Марковича, Ю.В. Манна, К. Кроо и ряда других исследователей.

В последние десятилетия разработка проблемы «Тургенев и Шекспир» носит также более фрагментарный, чем целостный характер. При этом «шекспировский фонд» эстетики Тургенева был заметно расширен и дополнен, с одной стороны, новыми (или по-новому проведенными) параллелями тем и образов – это, например, исследования Н.С. Никитиной, В.А. Недзвецкого, И.И. Чекалова, Л.В. Миндыбаевой и др.; с другой стороны, качественным осмыслением отдельных принципов шекспировского искусства сквозь призму тургеневского видения, и здесь, в частности, можно назвать статью Н.П. Генераловой[14].

---

[13] См. также: Неверова Э. Н. Шекспировская тема в интерпретации И.С Тургенева (повесть «Степной король Лир») // Русская литература : сб. науч. тр. Алма-Ата, 1972. Вып. 2. С. 24–31.

[14] Генералова Н. П. Об одной шекспировской цитате у И.С. Тургенева // Тургеневский ежегодник 2008–2009 года. Орел, 2010. С. 31–59.

Особое место в исследованиях постсоветского времени занимает диссертационная работа Т.В. Швецовой[15], где подробно и во многом с иных позиций был проанализирован образ Гамлета и вообще проблематика одноименной шекспировской трагедии в художественно-эстетическом восприятии Тургенева. Важным достижением ученого можно считать разработку нравственно-философского аспекта (мотив смерти) в структуре произведений русского писателя, ориентированных на традицию Шекспира.

Цель диссертационной работы заключается в аналитическом осмыслении особенностей художественно-эстетического восприятия Тургеневым творчества Шекспира (преимущественно на примере образов Гамлета и короля Лира).

В соответствии с целью исследования ставятся следующие **задачи**:

1. Определить характер восприятия Тургеневым драматического наследия Шекспира, природу его глубокого интереса к шекспировским принципам миромоделирования и конструирования художественного образа.
2. Выявить индивидуальность читательской и переводческой рефлексии Тургенева по отношению к творчеству Шекспира.
3. Рассмотреть контекст романтической критики Шекспира, непосредственно вошедший в поле тургеневского видения.
4. Проанализировать конкретное воплощение шекспировского образа (Гамлет) на материале отдельных произведений Тургенева 1830-х – 1840-х гг., а также в рамках романного творчества.
5. Изучить способы освоения и усвоения Тургеневым образа короля Лира, учитывая динамику его рецепции от раннего творчества (комедия «Нахлебник») к более позднему периоду (повесть «Степной король Лир»).

Методологической и теоретической основой диссертации послужил комплекс литературоведческих принципов, который был разработан в трудах крупнейших отечественных литературоведов (Б.М. Эйхенбаум, Д.С. Лихачев, М.П. Алексеев, Ю.М. Лотман, Л.Я. Гинзбург, Ю.В. Манн, М.В. Урнов, Ф.З. Канунова, А.С. Янушкевич и др.).

В качестве теоретической базы использовались работы по изучению эстетики и поэтики творчества Шекспира (Н.И. Стороженко, А.А. Аникст, А.А. Смирнов, М.М. Морозов, Ю.Д. Левин, Л.Е. Пинский и др.) и Тургенева (М.П. Алексеев, Л.М. Лотман, Г.А. Бялый, Д.С. Гутман, М.Г. Ладария, Г.М. Ребель, В.М. Маркович, Э.М. Жилякова, П. Тирген, Н.П. Генералова, Н.Г. Жекулин, В.А. Недзвецкий, Л.А. Балыкова и др.).

Рассмотрение специфики шекспировского творчества в парадигме литературной наследственности и принципов ее функционирования в художественном мире Тургенева требует применения историко-литературного и культурно-исторического методов исследования. Изучение диалога двух национальных авторов обуславливает использование сравнительно-типологического метода.

---

[15] Швецова Т. В. «Гамлет» в контексте творчества И.С. Тургенева: дис. … канд. филол. наук : 10.01.01. Архангельск, 2002. 194 с.

Объектом настоящего исследования являются русско-европейские (русско-английские) литературные связи, а именно творческий диалог двух авторов – Тургенева и Шекспира. **Предметом** исследования стал характер эстетического восприятия и художественной интерпретации Тургеневым шекспировского искусства, его метода, тем и образов.

Материалом послужили драматическое наследие Шекспира (в центре – трагедии «Гамлет», «Король Лир») и творчество Тургенева (определяющие тексты – рассказ «Гамлет Щигровского уезда», повесть «Степной король Лир»).

Научная новизна исследования обусловлена тем, что впервые:

– вводится в научный оборот материал личной (родовой) библиотеки Тургенева, связанный с именем Шекспира;

– произведен анализ фрагментарного опыта Тургенева по переводу шекспировских текстов;

– в изучение проблемы «Тургенев и Шекспир» включается контекст елизаветинской драмы, нагруженный читательской рефлексией самого писателя.

Впервые проблема восприятия Тургеневым открытий Шекспира решается с помощью активного привлечения рукописного материала и обнаружения в масштабном диалоге двух авторов благотворных «посредников» (О. де Бальзак), эстетической традиции (В.А. Жуковский, А.С. Пушкин) и творческой преемственности, предвосхищения (А.П. Чехов).

В ходе сопоставительного изучения существенно расширена область анализа, включившая в себя как проблему героя, так и тесно связанные с ней категории пространства, пейзажа, жанрового синтеза (драматизация эпического, принцип хроникальности). Тема исследования раскрывается на большом историко-культурном и собственно литературном материале. Шекспировская образность в творчестве Тургенева рассмотрена с позиции эволюционного (поступательного) развития.

Теоретическая значимость работы заключается в создании обновленной и существенно дополненной картины творческого взаимодействия Тургенева с традицией Шекспира. Диалог двух авторов представлен как целостная система, которая определила своеобразие творческого метода русского писателя. В диалектичном отношении Тургенева к шекспировской типологии раскрывается его концепция эстетического синтеза, основанного на гармоничном и необходимом присутствии в преимущественно реалистическом изображении значимых сентиментально-романтических черт. Это открытие важно также и для теоретического осмысления закономерностей (смены эстетических парадигм) литературного процесса XIX в.

Выявленные принципы сближения двух творческих систем вносят вклад в развитие области русско-европейских (русско-английских) литературных связей и могут служить необходимым подспорьем при изучении преемственности между русской и зарубежной словесностью.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования материалов диссертации в разных сферах научной и педагогической деятельности: для изучения творчества Тургенева

и Шекспира, при подготовке основных курсов по истории русской литературы XIX в., в работе спецсеминаров по русско-европейским литературным связям, а также в эдиционной практике (например, в материалах «Тургеневской энциклопедии»).

Положения, выносимые на защиту.

1. Творчество Шекспира имело для Тургенева огромное художественно-эстетическое значение. Выработанная русским писателем концепция шекспировского искусства, включающая в себя категории эстетического синтеза, амбивалентности, объективности, хроникальности, народности, во многом определила развитие его собственного писательского метода.

2. Полнота тургеневского представления о сущности театра Шекспира была обусловлена тщательным изучением елизаветинской драмы. Основополагающее значение в освоении английской драматургии XVI–XVII вв. для Тургенева имели собрания пьес, изданные под редакцией Р. Додсли и Л. Тика.

3. Одними из ключевых моментов тургеневского освоения шекспировского искусства явились читательская рефлексия и переводческая рецепция.

4. Освоение творческого мира Шекспира включало у Тургенева сложившийся контекст европейской романтической критики: братья А. и Ф. Шлегели, Л. Тик, Ф. Гизо, П. де Барант. Рядом с представителями западной традиции стоят имена деятелей отечественной словесной культуры: Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, М.А. Бакунин, Т.Н. Грановский.

5. Центральными образами в стихии шекспировского творчества для Тургенева стали принц Гамлет и король Лир. Их художественное осмысление происходит на огромном материале русского национального мира и служит разработке проблемы современного героя в тесной связи с актуальными вопросами общественно-исторического развития.

6. Отношение Тургенева к образу Гамлета было диалектически сложным, поскольку в процессе его понимания и интерпретации, протянувшемся от юношеских проб до конца романного творчества, акцентировались как положительные, так и отрицательные моменты. Через художественное моделирование героя такого склада писатель шел к социально-психологическому и нравственно-философскому изучению типа мыслящей и страдающей личности, поставленной перед необходимостью выбора в обстановке глубокого кризиса.

7. Обращение Тургенева к образу иного свойства, ориентированному на тип короля Лира, обусловлено эволюцией мировосприятия в условиях социально-исторической изменчивости. В 1870-е гг. на первый план выходит обыкновенная личность, исполненная глубинных нравственно-психологических противоречий. Путь к осмыслению такого героя был намечен писателем еще в период драматических опытов благодаря творчеству О. де Бальзака, однако тогда он получил развитие в соответствии с общей тенденцией изображения «маленького человека».

Степень достоверности результатов проведенного исследования определяется качественным характером осуществленного анализа с опорой на фундаментальные исследования отечественных литературоведов и обуславливается актуальностью привлекаемого для изучения эмпирического материала, а также применением комплексного подхода в решении проблемы.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на девятнадцати конференциях разного уровня: Международная научно-исследовательская конференция «И.С. Тургенев и русский мир» (Санкт-Петербург, 2018), Всероссийская научная конференция «И.С. Тургенев и время» (Томск, 2018), I Международная конференция «Культурный трансфер: история, общество, слово» (Томск, 2018), Международная научно-практическая конференция «Филология в XXI веке: слово, текст, коммуникация» (Томск, 2017), XXVI Международная конференция «Шекспировские чтения – 2016» (Москва, 2016), V Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Литература – театр – кино: проблемы диалога» (Самара, 2014), Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018), Международная конференция «Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования» (Барнаул, 2014, 2015, 2017), Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (Томск, 2016, 2017), Всероссийская научная конференция молодых ученых с международным участием Филологические чтения «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении» (Новосибирск, 2016, 2017), XXIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2016).

По теме диссертации опубликовано 12 работ, среди них 8 статей в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура диссертационной работы обусловлена ее целью и задачами и включает в себя введение, три главы, заключение, список условных обозначений и список использованных источников и литературы (315 наименований). Общий объем диссертации – 369 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор темы исследования, ее актуальность и научная новизна, освещается история вопроса, определяются объект и предмет анализа, устанавливаются цель и задачи исследования, описывается его методологическая и теоретическая база, определяются теоретическое значение и практическая значимость диссертационной работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «И.С. Тургенев и У. Шекспир: чтение, осмысление и перевод» посвящена проблеме восприятия Тургеневым творчества Шекспира, которая рассматривается на основе изучения разных форм проявления этого художественно-эстетического взаимодействия.

В **параграфе 1.1 «“Ярый шекспирианец”: У. Шекспир в восприятии И.С. Тургенева»** обрисована общая картина многоаспектного обращения Тургенева к Шекспиру. Русский писатель познакомился с творчеством английского драматурга очень рано – еще в годы своего домашнего обучения, и

очень скоро его путь постижения Шекспира включил в себя переводческий опыт («Макбет» и «Король Лир»). В конце 1830-х – 1840-е гг. Тургенев читает шекспировские драмы в подлиннике и переводах (немецкий, французский, русский), усваивая и выделяя для себя индивидуальные особенности эстетики и поэтики «великого барда».

В первых критических статьях Тургенева Шекспир оказывается своеобразным эстетическим ориентиром и проводником. Представляя знаменитого поэта в качестве мастера художественной формы, он изначально утверждает два принципа английского гения – объективность и жизненная правда.

Тургенев через Шекспира в 1840-е гг. пытается направить поиски современных драматических авторов в единственно верное и плодотворное, как ему думается, русло. «Ложной натуральности и патриотизму» он противопоставляет самобытность и народность шекспировской поэзии.

В особенности изображения человека у Шекспира Тургенев выявляет закон амбивалентности: план высокого неизменно соседствует с планом низкого, что позволяет верно передать «физиономия жизни». Воссоздание противоречий действительного мира, по мысли писателя, проходит у Шекспира через сочетание контрастных же категорий. В качестве таких значимых противоположений он выделяет, с одной стороны, синтез комического и трагического, а с другой – глубокое взаимодействие эпоса и драмы (трагедии).

Противоречивую сущность человеческой жизни, осмысляемой по законам шекспировского жанра, Тургенев рассматривает через особое понимание философской составляющей творчества Шекспира. Писатель развивает проблему несвободы и одиночества личности вследствие ее противопоставленности большому миру. Амбивалентность положения отдельного человека сознается Тургеневым в закономерной связи с дихотомией жизнь / смерть: быстротечность жизни неизменно и неизбежно приводит к трагической развязке. Однако, пытаясь сгладить остроту резкой антитезы человека и окружающего его мира, Тургенев через Шекспира указывает на обнаружение потенциальной природы личности, на «начала гуманности, человечности, свободы»[16].

Параграф 1.2 «“Со страхом… и верою приступите…”: И.С. Тургенев и “шекспировский дар” Т.Н. Грановского (по материалам библиотеки писателя)» посвящен анализу помет и маргиналий Тургенева на страницах однотомного собрания «The plays and poems of William Shakespeare» (Leipzig, 1833), которое было подарено писателю Т.Н. Грановским в 1838 г. в Берлине, где у писателя активно формировался круг «шекспировского чтения».

Первые читательские знаки содержатся уже в оглавлении тома и списке пьес, они свидетельствуют о предполагаемом плане изучения Шекспира. Вторым шагом стала хронология шекспировского творчества. Во время чтения собственно произведений драматурга Тургенев прибегает к немецкому языку как

[16] Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М., 1986. Т. 12. С. 325.

переводному эквиваленту, записывая на полях – напротив подчеркнутых английских слов их немецкий вариант[17].

В процессе своего изучения писатель особенно выделил комедию «Двенадцатая ночь, или Что угодно», обратив внимание на образное свойство поэтического языка (многозначное свойство слова и экспрессия его смысла, позволяющая автору играть с читательским восприятием, удаляя его от однозначности понимания).

Обращаясь к историческим хроникам Шекспира, Тургенев неоднократно останавливается на образе Фальстафа (первая и вторая части «Генриха IV»), отмечая в тексте моменты, дающие яркую его характеристику как авантюриста и неудачливого плута. Более всего писателя привлекла хроника «Ричард III», в которой им была усвоена произошедшая в шекспировской поэтике перемена. Чернилами, карандашом и даже ногтем он делает акцент как на центральной фигуре драматического действия – Глостер, так и тесно связанных с ним образах – леди Анна и герцог Кларенс. В первых двух случаях Тургенев выделяет объемные монологи героев, а в последнем – сцену убийства.

Среди трагических произведений Шекспира писатель внимательно прочел самые известные и популярные: «Ромео и Джульетта», «Макбет», «Отелло», «Гамлет» и «Король Лир». Пометы на двух последних пьесах из этого списка, чьи образы обрели для Тургенева концептуальное значение, во-первых, позволяют говорить о возможной задумке целостного перевода или переложения некоторых отрывков (густота подчеркиваний на «Гамлете»). Во-вторых, они свидетельствуют о чутком усвоении в шекспировской эстетике синтеза высокой драмы и проявлений обыкновенного (выделен «степной» эпизод в «Короле Лире» с песенкой шута).

В результате характер тургеневского чтения Шекспира явно показывает интерес писателя к языку и стилю, афористике и метафорике, жанровому синтезу, лирическому началу, психологической точности и многоплановости изображения.

В **параграфе 1.3 «И.С. Тургенев – переводчик У. Шекспира»** решается вопрос переводческой рецепции английского драматурга в контексте тургеневского творчества. Предметом исследования оказываются небольшие стихотворные отрывки из трагедий Шекспира, которые Тургенев перевел и поместил в рамки собственной художественно-критической и эпистолярной прозы.

На протяжении всей жизни писатель сделал несколько небольших самостоятельных переложений шекспировского стиха из «Гамлета», «Макбета» и «Короля Лира». Последнее – отрывок из шестой сцены седьмого акта представляет собой наиболее объемный перевод, который Тургенев поместил в статью о «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова (1853).

Тургенев обращается к трагическому эпизоду на морском утесе, а именно к обрисованной Эдгаром панораме отвесного берега. Он переводит эту сцену прозой, сохраняя графическое оформление в виде стихотворного столбца.

---

[17] Такая особенность в 1840-е гг. являлась для Тургенева привычной манерой – во многом это отличительная черта именно «берлинского» периода. Подобным образом он читает, например, Ч. Диккенса и П. Кальдерона.

Русский текст строится в практически точной лексической и синтаксической параллели с английским. Одним из способов ясного отображения шекспировского текста становится внесение в его русский вариант явных примет литературной традиции. Важными маркерами русской (шире – мировой) словесной культуры Тургенев делает детали в системе шекспировских сравнений. Яркой особенностью тургеневского перевода становится «эпическая эквивалентность»: с помощью элемента обыкновенного писатель передает масштабность создаваемого Шекспиром образа.

Столь же показательна работа писателя над переводом двух стихов из «Гамлета» (акт III, сцена 1 – концовка монолога «Быть или не быть»), где он стремится передать грандиозность и универсальность образа принца Датского. Переводя же прозой знаменитый монолог Макбета (акт V, сцена 5), выраженный двойной метафорой жизни, Тургенев усиливает его лирико-философское звучание.

На основе анализа переведенных писателем фрагментов делается попытка обнаружить тургеневский след в прозаическом переложении трагедии «Гамлет», выполненном Н.Х. Кетчером (1873). Кроме того, устанавливается возможное влияние, которое Тургенев оказал на переводческие принципы или отдельные установки А.А. Фета и А.В. Дружинина.

В качестве главной особенности переводческих опытов Тургенева определяется эстетика жанрового синтеза. Значимым также оказывается лирико-философское и нравственно-психологическое обобщение.

Параграф 1.4 «И.С. Тургенев и романтическая концепция У. Шекспира (по материалам библиотеки писателя)» освещает проблему романтической интерпретации шекспировского искусства, которая очень рано и интенсивно вошла в сферу тургеневской рефлексии.

В **подпараграфе 1.4.1 «Братья Август и Фридрих Шлегели»** обнаруживается связь собственного взгляда Тургенева на творчество английского драматурга с критической мыслью йенских романтиков. С одной стороны, писатель обращается к немецкому переводу произведений Шекспира, который был выполнен А. Шлегелем, и оценивает его очень высоко: ему особенно импонировала установка на поэтическое переложение как единственно верное. С другой стороны, он по-своему переосмысляет отдельные положения эстетической критики Шекспира, разработанные Ф. Шлегелем. Особенно ярко этот процесс выразился в двух тезисах, первый из которых связан с диадой «Шекспир – Кальдерон», а другой определен тождеством «Шекспир – Природа».

Позиция Тургенева оказывается во многом противоположна трактовке младшего Шлегеля. Если немецкий романтик, сравнивая Кальдерона с Шекспиром, порицает последнего за стремление до конца показать человека в резком расстройстве мысли и действия, то Тургенев отдает свое полное предпочтение именно такому типу изображения, одновременно восхищаясь образцом «возмущения и индивидуализма»[18]. Не устроило Тургенева и

[18] Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М., 1982. Т. 1. С. 377.

шлегелевское объяснение тесного сочетания в эстетике Шекспира крайностей и противоположностей как нарушения гармонии прекрасного. Здесь писатель, прибегая к метафорическому сравнению с природой, видел авторскую установку на объективность и универсализм.

Подпараграф 1.4.2 «“Shakespeares Vorschule” Людвига Тика» впервые раскрывает обращение Тургенева к общим закономерностям развития елизаветинской драмы.

В период погружения писателя в историю английского театра (конец 1830-х – 1840-е гг.), которая изучалась им по изданиям Р. Додсли и Л. Тика, отдельным его вниманием было отмечено программное предисловие немецкого романтика в первом томе «Подготовительной школы Шекспира» (1823–1829).

Во время чтения писатель останавливается особо на народном характере драматической поэзии. Так, он выделяет жанр интерлюдии и делает на полях – вдоль текста о «поэтическом пристрастии» англичан к прошлому – запись, которая содержательно разделяется на три отрезка: *«NB Viele Stücke waren so eingerichtet, daß sie von 3, 4 Personen gespielt werden können» – «s. Dodsley v. 1. s. 266» – «NB - obschon 10 bis 12 Personen im Drama selbst vorkamen»*[19].

Заметка о персонажном составе и отсылка к анонимной интерлюдии «Новый обычай» (New custome) из «Избранной коллекции старых пьес» Р. Додсли дополняется также обращением к комедии «Векфильдский полевой сторож», главный образ которой взят из английских народных песен. Знаковым оказывается интерес Тургенева и к творчеству одного из крупнейших представителей народной драмы до Шекспира – Р. Грина.

Важно, что именно Тик открыл Тургеневу такое стилистическое явление шекспировского времени, как эвфуизм. Кроме того, писатель спорит (на полях) с Тиком по поводу влияния на английский театр античных форм, но принимает его концепцию синтеза – соединение в драме планов обыкновенного (повседневного) и героического (исторического).

В **подпараграфе 1.4.3 «“Vie de Shakespeare” Франсуа Гизо»** внимание обращено на эстетический манифест яркого представителя романтической историографии Франции. Тургенев был хорошо знаком с деятельностью Ф. Гизо и, безусловно, имел достаточное представление о выдвинутой им историософской концепции английского драматурга.

Со статьей Гизо, напечатанной в качестве предисловия к многотомному собранию шекспировских произведений (1821), Тургенев, вероятно, познакомился в 1840-е гг. В составе библиотеки писателя сохранился именно первый том, содержащий этот эстетический этюд, а на его страницах оставлены многочисленные чернильные и карандашные знаки в виде вертикальных линий на полях. Пометы (по форме и способу их нанесения) нельзя точно атрибутировать как принадлежащие исключительно Тургеневу: вполне вероятно, что владельцем этого тома изначально был В.Г. Белинский, а все заметы критика на полях уже после были осмыслены писателем. Однако важно, что моменты, выделенные в

---

[19] «NB. Многие пьесы были устроены так, что они могли бы исполняться 3, 4 людьми» – «см. Додсли, том 1, стр. 266» – «хотя от 10 до 12 лиц имели в драме свое место».

процессе чтения, очень тесно соприкасаются с теми, что прежде обозначил Тургенев – во время изучения Шекспира в подлиннике и программной статьи Тика.

Акцент поставлен, во-первых, на утверждениях о народном характере драматической поэзии и зависимости ее развития от общественных условий. Во-вторых, важными оказываются размышления автора о сущности комического и трагического жанров у Шекспира. Наконец, в-третьих, в фокус особого внимания читателя вошли суждения Гизо о природе трагического конфликта и силе драматического изображения.

Подпараграф 1.4.4 «Русский шекспиризм» представляет контекст русской словесной культуры, отмеченный знаковым интересом к именитому драматургу Англии.

Через открытия А.С. Пушкина в системе «отца Шекспира» писатель прошел путь от возвышенно-поэтического (идеалистического) взгляда, культивируемого Н.В. Станкевичем и членами его кружка (М.А. Бакунин, Т.Н. Грановский), до этико-философского и социально-исторического понимания Шекспира, к которому в 1840-е гг. пришел В.Г. Белинский.

Важно, что это осмысление художественных открытий английского драматурга происходило большей частью на примере трагедии «Гамлет», а сам главный ее образ явился для Тургенева способом и средством формирования концепции современной личности.

Во **второй главе «И.С. Тургенев и трагедия У. Шекспира “Гамлет”»** отражено планомерное и усложненное движение писателя в процессе собственно художественного осмысления образа принца Датского.

Параграф 2.1 «Гамлет в творчестве И.С. Тургенева (1830-е – 1840-е гг.)» показывает, как шло формирование «гамлетовского текста» на материале малой прозы. Начальному осмыслению писателем образа Гамлета посвящен **подпараграф 2.1.1 «От “Сте́но” к “Петру Петровичу Каратаеву”»**. Здесь рассматривается аллюзивный план драматической поэмы «Стено», связанный с философскими мотивами трагедии Шекспира (череп как устойчивый символ смерти). Далее анализируется вариант сентиментально-романтического героя, представленный Тургеневым, с одной стороны, в фигуре рефлексирующего повествователя («Андрей Колосов», 1844), а с другой – в образе молодого человека, переживающего сложную дисгармонию внутреннего мира («Петр Петрович Каратаев», 1847). В обоих случаях устанавливается связь с литературным контекстом (Ф.М. Достоевский) и традицией (А.С. Пушкин) соответственно.

Подпараграф 2.1.2 «Концепция страдающей личности» посвящен определению тургеневского способа в изображения «русского Гамлета». На материале переписки Тургенева и П. Виардо 1848–1849 гг. выделяется идея страдающей личности. Выстраиваемая писателем нравственно-философская концепция человека, основанная на выявлении в его существовании непременного (явного или скрытого) элемента жизненной драмы, находится в типологическом схождении с эстетикой Ж. Санд (предисловие к роману «Оберман»).

Размышления Тургенева о трагизме практически каждой человеческой судьбы встраиваются в неоднородный по своему характеру культурно-исторический контекст эпохи: В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский и А.И. Герцен.

Подпараграф 2.1.3 «Трагедия “степного Гамлета” (по материалам чернового автографа)» разворачивает аналитическую картину работы Тургенева над рассказом «Гамлет Щигровского уезда» (1849) и принципов моделирования соотнесенного с шекспировским типом главного образа. Важные коррективы в процесс исследования вносит черновая редакция произведения.

В рукописи рассказ формально разделен на две части, которые, однако, мыслились автором в качестве нераздельного единства. В начале произведения, когда читатель вводится в атмосферу провинциального помещичьего быта, намечаются важные драматические точки, которые в дальнейшем получают развернутую реализацию. Размышления над основами российской действительности органично сочетаются с шекспировской образностью.

Тургенев сознательно не ищет внешних средств для точного соответствия своего рассказа трагедии Шекспира, хотя пунктирно им обозначена связь отдельных элементов (ситуация поиска истины в отсутствии отца, мотив отобранного наследства и самоубийства, совпадение имен в их закольцованной структуре и др.).

Более определенно художественное схождение двух произведений сказывается в жанровом отношении (трагическая история тургеневского героя строится по драматическим законам шекспировской хроники) и в плане построения главного образа (преимущественно монологическая речь щигровского Гамлета тесно соотносится по своему психологическому оформлению и нравственно-философскому содержанию с объемными высказываниями принца Датского).

Образ «русского Гамлета» создавался Тургеневым в живом социально-историческом и культурном контексте. Поэтому предметом рефлексии его героя закономерно становятся кружковая деятельность и неотъемлемый ее компонент – увлечение немецкой идеалистической философией. Однако авторское отношение к этим национально-значимым фактам русской интеллектуальной и духовной жизни противоречиво и неоднозначно. Это нашло яркое отражение в исповеди героя, которая передает драматизм личного мироощущения, пережитого в свое время «деятелями сороковых годов» (Т.Н. Грановский, В.Г. Белинский, И.С. Тургенев и др.).

Саморазоблачение «степного Гамлета» вначале показано ненавязчивыми красками юмора, а затем оно обретает явное трагическое качество, которое будет доминировать на протяжении всего монолога. От рассказа о кружковом этапе своей жизни, призванном указать на типические («неоригинальные») черты личности, герой переходит к глубоко личным аспектам, где определяющими оказываются темы любви, природы и смерти.

На протяжении второй части рассказа Тургенев строит образ человека, «мучительно переживающего свое недостоинство, но только в соизмерении с

открывшимся ему высоким идеалом»[20]. Движение к достижению идеала у Гамлета Щигровского уезда затруднено остановкой на середине, на самом себе. Способность к продолжению пути автор оставляет в полной зависимости от воли и желания своего героя.

Подпараграф 2.1.4 «Дневник лишнего человека» заключает в себе анализ своеобразной эстетической перспективы в тургеневской разработке образа Гамлета на материале обыкновенной действительности.

В качестве главного действующего лица писатель также определяет человека, наделенного глубиной самосознания, которое открывает ему несовершенство мирозданья и заостряет его чрезвычайную связь с ним. Исповедь Чулкатурина раскрывает движение его души, которое, как и в трагедии Шекспира, происходит не линейно, а скачкообразно. Повторяя неровность эмоционального и психологического рисунка Датского принца, герой колеблется между воспоминанием и действительностью.

Наделяя «лишнего человека» гамлетовскими чертами, Тургенев строит конфликт повести с опорой на трактовку шекспировской трагедии, предложенную Гете: герой не выдерживает чрезвычайной развитости своего самосознания в условиях прозаического мира и разрушается под бременем мыслей. В ограниченном стремлении «быть как все», ставшем основой жизни, Чулкатурин не смог подняться над той обыденностью, в которой существовал и которую презирал.

В то же время значимую для героя перемену к лучшему олицетворяет многоуровневый финал повести: образным языком, лишенным прежних штампов, Чулкатурин выражает свое смирение перед вечностью и примирение с ней. Последние ощущения (природы, жизни, смерти) сливаются для него в единый образ, уже не отягощенный горечью.

В **параграфе 2.2 «Поэтика образа Гамлета в романах И.С. Тургенева»** исследуются центральные образы эпического жанра, в которых на идейно-смысловом и интертекстуальном уровнях обнаруживаются значительные приметы шекспировской характерологии. На первый план выступает специфика художественного оформления писателем портрета «героя времени» в тесной связи с нравственно-психологическим обликом Гамлета.

Критические размышления Тургенева по поводу сущности образа Датского принца нашли объемное выражение в программной статье «Гамлет и Дон-Кихот» (1860). В ней писатель, во многом продолжая художественно-эстетическую линию, обозначенную в рассказе «Гамлет Щигровского уезда», на примере гамлетовского образа разработал проблему трагической личности, делая акцент на дисгармонию ее внутреннего мира.

С идейно-эстетическим комплексом статьи 1860-го г. тесно связаны размышления Тургенева в определении сущностных черт «русского Гамлета», изложенные в рамках романной галереи.

В эпическом изображении писатель представляет неординарную личность в качестве прямого и яркого выразителя масштабных противоречий русской жизни.

---

[20] Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1971. С. 83.

Как и Шекспир, Тургенев в атмосфере социальных сдвигов и переломов исследует трагедию индивидуального существования, раскрывает глубину психологического восприятия сложных процессов внешнего мира. Каждый центральный персонаж тургеневских романов явно или скрыто, прямо или косвенно задается вопросом места собственной личности в общем процессе большой истории. И этот вопрос либо непосредственно вырастает до масштабных пределов гамлетовской оппозиции «я и бытие», либо остается в рамках более конкретной жизненной обусловленности.

Так, личность Рудина, негласно соотнесенная с Гамлетом Шекспира, от начала романа и до его финала проходит страдательный путь самораскрытия. Постепенно показывая идейную несостоятельность своего героя, Тургенев одновременно вносит значимый положительный момент, который связан с претворением в жизнь рудинского идеала через других, – вариант Горацио. Подобным образом – от возвышенного самообмана до разрушения иллюзий и поиска (удачного или безуспешного) гармонии – будет строиться движение всех главных романных героев, следуя в своем нравственно-философском и социально-психологическом плане за шекспировской трагедией.

Каждый этап в представлении Тургеневым проблемы «героя времени» вносит индивидуальные аспекты в ее понимание. Мысль автора движется в унисон с ходом русской истории, и «современный Гамлет» получает новое качественное наполнение с отчетливым трагическим звучанием.

Чрезвычайно показателен образ Базарова, который в начале романа представлен идеологом нового направления – строгого и однозначного по своей сути, но в ходе развития действия он по-гамлетовски обнаруживает в себе интенцию к выходу за рамки узких концепций в область общечеловеческих проблем. Открывая для себя этот круг нравственно-философских вопросов, герой неизбежно задумывается и о положении собственной личности, что закономерно наводит его на трагические размышления.

Глава третья «И.С. Тургенев и трагедия У. Шекспира “Король Лир”» посвящена изучению «лировского текста» в творчестве Тургенева: от момента первого серьезного обращения писателя к теме отвергнутого отца (1840-е гг.) до варианта ее наивысшего художественного воплощения (1870-е гг.).

В **параграфе 3.1 «И.С. Тургенев и О. Бальзак: на пути к Шекспиру»** показано, что взаимодействие Тургенева с шекспировской традицией включало в себя опыт знаменитых литературных посредников, среди которых особенно выделяется фигура О. де Бальзака.

Процесс художественно-эстетической полемики с Бальзаком, протянувшийся практически на весь период тургеневского творчества, в качестве одного из важнейших своих предметов обозначил грандиозный трагический характер Шекспира. Отцовская драма «маленького человека», исполненная в шекспировской образности, впервые была запечатлена Тургеневым в комедии «Нахлебник» (1848). В своем обыкновенном и камерном, «семейном», варианте она значимо сближается с проблематикой романа «Отец Горио» (1834).

С остротой социального звучания Тургенев показывает в «Нахлебнике» положение обедневшего дворянина в кризисный момент, когда размеренное существование рушится и жизнь теряет свою устойчивость. Однако писатель не останавливается только на аспекте «человек и среда», но включает драму дворянского быта в сложное противоречие самой русской жизни – в этом видна логика шекспировского универсализма.

В разработке сюжета и образа Шекспира Тургенев пунктирной линией намечает точки схождения между собственным изображением и опытом Бальзака. Так, в качестве важных элементов пресечения можно назвать, например, категорию нахлебничества, соотносящуюся с провозглашенной королем Лиром проблемой бесприютного скитальчества. Или возникающий в сценах застолья мотив шутовства, запечатленный в обоих произведениях через насмешливую инициацию, а именно надевание колпака.

К разработке лировской проблематики на обыкновенном материале Тургенев много лет спустя возвращается в повести «Степной король Лир» (1870), в том числе по-новому прочитывая роман «Отец Горио».

В **параграфе 3.2 «Иван Грозный и “степной король” И.С. Тургенева»** вопрос значения и содержания шекспировской традиции в творчестве Тургенева рассматривается сквозь призму национальной характерологии. В повести «Степной король Лир» писатель создает тип русского человека, который обретает черты глубокого драматизма, выражающего суть актуальной действительности. Через «хронику королей» Тургенев стремится освоить современность и раскрыть ее трагическое содержание. В результате образ «степного Лира» оказывается помещен в значимый для его интерпретации текст позднего русского Средневековья и прямо соотносится с царем Иваном Грозным.

Во время работы над повестью в круг тургеневского чтения об эпохе Ивана IV активно входили труды отечественных историографов. Особая значимость придавалась писателем традиции Н.М. Карамзина. Вместе с тем Тургенев был погружен в художественно-публицистический контекст интерпретации личности царя: от трагедии «Борис Годунов» А.С. Пушкина (1825) и «Песни про царя Ивана Васильевича…» М.Ю. Лермонтова (1837) до «Рассказов из русской истории» А.Н. Майкова (1869).

В виде отдельных вкраплений в «Степном короле Лире» содержатся значимые указания на «царственную» природу главного героя. Большинство из них связаны со своеобразием его поступков и действий, их символическим значением. Отдельного внимания заслуживает пренебрежение к шведско-финскому подданству, которое выражает Харлов, что наводит на параллель личных неприязненных взаимоотношений Ивана Грозного с королем шведским и герцогом финляндским Юханом III.

Образная связь провинциального помещика с русским царем усиливается в момент совершения героем раздела имения, когда он оставляет себе небольшой удел и называет его «опричным». Сознательное отождествление введенной в 1565 г. политики опричнины с обыкновенным разделением поместья уже на уровне поэтики серьезно подтверждает художественное соответствие между Мартыном Харловым и царем Иваном Грозным.

В 1871 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» Тургенев помещает «Заметку о статуе Ивана Грозного М. Антокольского». В скульптурном изображении Ивана IV писатель, с одной стороны, прямо обнаруживает сходство с шекспировским королем Лиром, а с другой – находит живой отклик на свои собственные представления. Пристально вглядываясь в каждую деталь пластического рисунка, Тургенев в словесной форме выводит психологическую характеристику, которая во многом соответствует созданному им образу Мартына Харлова.

Параграф 3.3 «“Провинциальный Лир” и идеи русского масонства» продолжает рассмотрение объемного изображения трагедии, развернувшейся в пространстве провинциального мира, но под иным углом зрения. Разработка «шекспировской проблематики» повести «Степной король Лир» происходит через обнаружение в чувственно-психологическом комплексе главного героя идей русского масонства.

В текст повести о «русском Лире» Тургенев включает два фрагмента из журнальных статей издания Н.И. Новикова «Покоящийся трудолюбец» (1784 – 1785). Их содержание непосредственно соотносится с проблематикой главного образа. Гордый и властный помещик, руководствуясь указаниями из масонского журнала, пытается смирить свою гордую эгоистическую природу, встать на путь преобразования собственной личности, воспитания души. Актом такого внутреннего изменения становится раздел имения между дочерями. Однако в полной мере исполнить намеченную программу самосовершенствования, совершить «важную и великую работу натуры»[21] Харлову не удается. Во-первых, герой не может отказаться от притязаний на значимость своей воли и власти, а во-вторых, его неотступно преследует мысль о неминуемой смерти, смириться перед которой он не желает.

Через причастность провинциального помещика к решению вечных вопросов жизни и смерти автор раскрывает драму существования современного человека. Не принимая доктринальный и аскетический характер масонского учения, писатель дает вариант реализации этих установок на практике, в результате чего с опорой на шекспировскую образность Мартын Харлов становится на уровень общенациональных типов.

В **параграфе 3.4 «Эпическое и драматическое в повести “Степной король Лир” (по материалам рукописного наследия)»** на материале чернового и белового автографов рассматривается вопрос об особенностях жанровой природы произведения Тургенева.

По способу организации текстового пространства повесть «Степной король Лир» обнаруживает признаки формального пересечения со структурой шекспировской пьесы. В основе повествования автором заложена трагедийная форма – пятиактное устройство действия, которая служит напряженному и одновременно динамичному разворачиванию истории главного героя.

---

[21] Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М., 1981. Т. 8. С. 191.

В содержательном плане элемент трагического оформляется через устойчивый мотив смерти, проходящий рефреном через все произведение. Он актуализирует драму жизни главного персонажа. С одной стороны, смерть понимается Тургеневым как неотменимая реалия повседневной жизни, а с другой – как проявление непостижимой бытийной силы. Мортальная проблематика повести, как и в случае с трагедией «Король Лир», тесно связана с философским вопросом вины и безвинности человека, который ставит сам «гордый властитель».

Особое место в драматическом оформлении тургеневского произведения занимает изображение непогоды, предваряющее бунт и гибель героя. Трагическая тональность пейзажа явилась своеобразным резонатором, вобравшим в себя жизненную катастрофу Мартына Петровича и воспроизведшим ее своими средствами в многократном усилении.

Другая сторона жанровой специфики «Степного короля Лира» – это принцип эпического наполнения повести. Эпизация связана, во-первых, со свойством повествовательной структуры и способом речевой организации произведения. Во-вторых, она основана на введении множества национально-исторического и культурного материала, который заметно расширяет художественное пространство. В-третьих, эпическое наполнение произведения осуществляется благодаря моделированию автором объемных образов и тщательному оформлению пейзажных картин. Особой многозначительностью в повести обладает зарисовка природы в состоянии тишины и спокойствия: живописный рисунок несет на себе отпечаток «зримой и вещественной в своей сюжетно-описательной основе»[22] поэзии В.А. Жуковского.

Параграф 3.5 «Шекспировские образы» посвящен сравнительно-сопоставительному анализу трагедии Шекспира и повести Тургенева.

Акцент на шекспировскую образность, поставленный автором уже в названии, далее значимо откликнется в экспозиции, где называются знаменитые трагические фигуры: Гамлет, Отелло, Фальстаф, Ричард III и Макбет. Отдельные моменты этих типов или частные детали произведений получают реализацию в ходе дальнейшего повествования.

От шекспировских вкраплений Тургенев переходит к моделированию конкретных художественных образов, обнаруживающих свою специфику в стихии русской жизни. Писатель примеряет на своих героев роли трагедийных персонажей Шекспира: Евлампия совмещает в себе черты Корделии и Гонерильи, Анна – Реганы, а Слеткин – герцога Конруэльского и Эдмонда. Этот ряд соответствий распространяется и на персонажей второго плана, в результате чего в повести Тургенева находят свое воплощение роли шута (Сувенир), Кента (казачок Максимка), а также Бургундского герцога (Житков). При этом Тургенев каждого из них наделяет индивидуальностью и самостоятельностью, предоставляет значимое, нагруженное особым смыслом место в общей структуре масштабной «лировской» драмы.

Находящийся в центре трагического действия степной помещик, определенный мощью характера и силой безграничной власти, справедливо

---

[22] Янушкевич А. С. В мире Жуковского. М., 2006. С. 148.

претендует на положение гордого монарха. Траектория физического и психологического движения Мартына Харлова значимо соотносится с эволюцией образа короля Лира.

В **параграфе 3.6 «Поэтика шекспировской степи»** рассматривается проблема художественного пространства повести «Степной король Лир», воплощающего в себе представление о глубинных основах русского национального мира.

Характеристика степи, наделенная шекспировским компонентом, активно включается в проблематику личности главного героя.

Тургенев, по примеру Шекспира моделируя большое природное пространство, с одной стороны, делает акцент на его противопоставленность человеческой культуре. Так, усадьба Харлова, как и дворец Лира, находится в антонимичной параллели со степным топосом. С другой стороны, степь служит значимым маркером одного из главных признаков в образе героя, а именно амбивалентности. Безумная мощь стихии, равно как и ее умиротворенность, по-шекспировски раскрывает противоречивую природу грандиозного характера.

В результате изображение природно-национального пространства у Тургенева, выполненное по драматическому закону Шекспира и нагруженное элегической тональностью поэзии В.А. Жуковского, предвосхищает поэтику прозы А.П. Чехова: степь как содержательное воплощение судьбы человека.

В **заключении** подведены итоги диссертационного исследования. Чрезвычайная увлеченность Тургенева художественным миром Шекспира обусловила проникновение его мотивов, тем и образов в саму ткань повествования (лирического, драматического, эпического). Усваиваемые русским писателем законы и закономерности шекспировского искусства становились правилом и логикой его собственной системы творчества, но в обязательном согласовании с индивидуальностью развития.

Перспективой исследования служит разработка вопроса «шекспировского текста» в творчестве Тургенева через всестороннее привлечение других (помимо центральных) объектов типологии Шекспира. Также расширение исследовательского фокуса должно привести к соответствующему пополнению материала в жанрово-родовом отношении.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук:

1. **Волков И. О.** И.С. Тургенев – читатель «Подготовительной школы Шекспира» Л. Тика (по материалам родовой библиотеки писателя) / И. О. Волков // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 436. – С. 5–12. – DOI: 10.17223/15617793/436/1. – 0,93 а.л.

Web of Science: **Volkov I. O**. Ivan Turgenev – the reader of Shakespear's Predecessors by Ludwig Tieck (Based on the Turgenev's Family Library Materials) / I. O. Volkov // Tomsk state university journal. – 2018. – № 436. – P. 5–12.

2. **Волков И. О.** «Со страхом… и верою приступите…»: И. С. Тургенев – читатель Шекспира (по материалам родовой библиотеки писателя) / И. О. Волков // Филологический класс. – 2018. – № 3 (53). – С. 33–40. – 0,99 а.л.

Web of Science: **Volkov I. O.** «With Fear… and by Faith Begin…»: I.S. Turgenev is Shakespeare Reader (on the Material of Turgenev's Family Library) / I. O. Volkov // Philological Class. – 2018. – № 3 (53). – P. 33–40.

3. **Волков И. О.** В.А. Жуковский и И.С. Тургенев (к вопросу о творческой преемственности) / И. О. Волков // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 430. – С. 5–14. – DOI: 10.17223/15617793/430/1. – 1,1 а.л.

Web of Science: **Volkov I. O.** V. Zhukovsky and I. Turgenev (To the question of creative continuity) / I. O. Volkov // Tomsk state university journal. – 2018. – № 430. – P. 5–14.

4. **Волков И. О.** «Шекспировский текст» повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир»: образы героев / И. О. Волков // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 426. – С. 5–13. – DOI: 10.17223/15617793/426/1. – 1,2 а.л.

Web of Science: **Volkov I. O.** The Shakespeare text of the story "A Lear of the Steppes" by I. Turgenev: character's images / I. O. Volkov // Tomsk state university journal. – 2018. – № 426. – P. 5–13.

5. **Волков И. О.** Драматическая природа повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир» (по материалам рукописного наследия) / И. О. Волков, Э. М. Жилякова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 50. – С. 149–175. – DOI: 10.17223/19986645/50/10. – 1,9 / 1,2 а.л.

Web of Science: **Volkov I. O.** The dramatic nature of the story «A Lear of the Steppes» by I. Turgenev (according to the manuscript heritage) / I. O. Volkov, E. M. Zhilyakova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk state university journal of philology. – 2017. – № 50. – P. 149–175.

6. **Волков И. О.** И.С. Тургенев и У. Шекспир: поэтика степного пространства / И. О. Волков // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2017. – № 4 (77). – С. 66–72. – 0,84 а.л.

7. **Волков И. О.** Образ Ивана Грозного в творчестве И.С. Тургенева 1870-х гг.: повесть «Степной Король Лир» / И. О. Волков // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С. 23–31. – DOI: 10.17223/15617793/419/3. – 1,3 а.л.

Web of Science: **Volkov I.O.** The image of Ivan the Terrible in the I.S. Turgenev's works of 1870s: the story «A Lear of the Steppes» / I. O. Volkov // Tomsk state university journal. – 2017. – № 419. – P. 23–31.

8. **Волков И. О.** Идеи русского масонства в творчестве И.С. Тургенева 1870-х гг. / И. О. Волков // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 5–11. – DOI: 10.17223/15617793/415/1. – 0,95 а.л.

Web of Science: **Volkov I. O.** The ideas of the Russian masonry in I. Turgenev's works of the 1870s / I. O. Volkov // Tomsk state university journal. – 2017. – № 415. – P. 5–11.

Монография:

9. **Волков И. О.** Диалог И.С. Тургенева с А.В. Дружининым о трагедии Шекспира «Король Лир» / И. О. Волков // Литература – театр – кино : проблемы диалога : коллективная монография. – Самара, 2014. – С. 295–302. – 0,46 а.л.

Статьи в прочих научных изданиях:

10. **Волков И. О.** Шекспир на страницах журнала «Отечественные записки» (1839–1848 гг.) / И. О. Волков // VI Всероссийский фестиваль науки. Наука и образование: сборник материалов XX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 18–22 апреля 2016 г. – Томск, 2016. – Т. II : Филология, ч. I : Русский язык и литература. – С. 219–223. – 0,19 а.л.

11. **Волков И. О.** «Нахлебник» И.С. Тургенева и «Отец Горио» Бальзака (к вопросу о шекспировской традиции) / И. О. Волков // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования : сборник научных статей международной конференции. Барнаул, 11–14 ноября 2014 г. – Барнаул, 2014. – С. 2126–2131. – 0,45 а.л.

12. **Волков И. О.** Шекспировский код в повести Тургенева «Степной король Лир» / И. О. Волков // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов I (XV) Международной конференции молодых ученых. Томск, 03–05 апреля 2014 г. – Томск, 2014. – Вып. 15, т. 2 : Литературоведение. – С. 30–33. – 0,23 а.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 6021/19 от «03» сентября 2019 г. Тираж 100 экз.
г. Томск Московский тр.8 тел. 53-15-28